

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1974

А.И. Колесников

M. Grignaschi, Quelques spécimens de la littérature sassanide, — JA, t. 254, fasc. 1, Paris, 1966, стр. 1-142.

Последнее столетие царствования династии Сасанидов (224-651 гг. н.э.) в Иране было ознаменовано расцветом всех видов светской литературы на среднеперсидском языке. Именно тогда были написаны основные этико-дидактические, эпические и юридические сочинения, а в известной "Хвадай-намак" ("Книге владык") получил свое завершение жанр придворных летописей. Приход арабов в Иран и постепенная исламизация населения страны на время прервали эту литературную традицию, но уничтожить ее не смогли. Ее передатчиком и хранителем выступило зороастрийское жречество, которое наряду с мелкими светскими феодалами в отдельных областях еще долго сохраняло свою власть над местным населением.

Из оригинальных пехлевийских сочинений сасанидского времени и первых веков ислама до нас дошли лишь немногие; почти все они изданы и вошли в научный обиход. Среди них большой удельный вес занимают произведения религиозного характера, а светские сохранились лишь фрагментарно. При скудости оригинальных пехлевийских сочинений выявление и публикация каждого памятника, дошедшего хотя бы в иноязычном переводе или переработке, представляют исключительный интерес, так как эти памятники своеобразно раскрывают культурную и социальную картину эпохи, предшествовавшей арабским завоеваниям. Известно, какое значение имело издание "Письма Таисара", пехлевийского произведения, которое

29-4 534

сохранилось для исследователей после двойной переработки (вначале было переведено на арабский язык, а с него — на воперсидский). В начале нашего века русский ученый К.А.Иностранцев указал на целый ряд отрывков из пехлевийских трактатов, обнаруженных им в работах ранних мусульманских авторов — Джахиза, Ибн Кутайбы. Он, в частности, осуществил перевод и комментарий отрывка военного трактата в "А'ин-намак" ("Книге обычая"). На отдельные пассажи из пехлевийских книг в средневековой арабоязычной литературе обращали внимание и другие исследователи после К.А.Иностранцева, но специально этой проблемой не занимались.

В этой связи открытие итальянского ученого Марио Гриньяски приобретает особую ценность. Работая в одном из архивов Стамбула над арабской рукописью начала ХУП в., он обнаружил в ней несколько самостоятельных фрагментов, которые, как выяснилось впоследствии, оказались арабскими переводами пехлевийских сочинений. Догадка подтверждалась тем обстоятельством, что названия отрывков или их начало почти дословно совпадают с названиями, упомянутыми в "Фихристе" Ибн ан-Надима. Сама рукопись является копией довольно древнего списка (УІ в.х.), который в свою очередь был составлен из произведений П-Ш вв. х., когда переводческая деятельность в Иране была в самом разгаре.

Изданная М. Гриньяски часть рукописи включает следующие материалы:

а) "Завещание Ардашира сына Папака тому из персидских царей, кто станет его преемником"¹; у Ибн ан-Надима название несколько изменено: "Завещание Ардашира Папакана своему сыну Шапуру"²;

б) сочинение без названия; его начало почти повторяет заголовок работы, отмеченный в "Фихристе" как "Книга, которую Ардашир приказал извлечь из сокровищниц книг, составленных мудрецами для руководства"³;

в) сочинение без названия, приписываемое Ибн ал-Мукаффе; М. Гриньяски отождествляет его с "Книгой короны об образе жизни Ануширвана" в перечне Ибн ан-Надима⁴;

г) небольшой фрагмент "Решения персидских мудрецов о благодеянии"⁵.

Издатели поместили их арабский текст, сопроводили его французским переводом и пространным комментарием. Кроме вышеупомянутых сочинений М. Гриньяски дал перевод и комментарий части пехлевийского "карнамака", сохранившегося в арабской версии Ибн Мискавайха⁶.

Некоторые данные говорят за то, что перед нами не просто пехлевийские сочинения, переведенные на арабский язык, а переводы, которые подверглись определенной обработке. Но редактирование коснулось не содержания, а формы изложения. Особенно это заметно во втором сочинении, где вначале повествование ведется от третьего лица, затем - от первого; где-то в середине изложения переводчик среднеперсидского текста переходит на пересказ установлений шаханшаха, и в конце снова возвращается к рассказу от имени Ардашира. Обращают на себя внимание и неоднократные тематические повторы в пределах одного и того же сочинения, чего в оригинальном варианте, на наш взгляд, быть не должно.

Охарактеризуем каждое сочинение в отдельности с точки зрения содержания.

"Завещание Ардашира" относится к разряду сочинений, в которых даются советы по управлению государством, и занимает достойное место среди таких известных трактатов, как

"Сийасат-наме" Низам ал-Мулка и "Кабус-наме" Кай-Кавуса ибн Искандара. Критический текст "Завещания..." выполнен по двум спискам (один в рукописи медресе Кёпрюлю, другой - в сочинении Ибн Мискавайха); М. Гриньяски ссылается также на отрывки из двух других сочинений. По содержанию памятник представляет собой ряд предостережений шаханшаху от промахов, которые могут привести к гибели государства, и указывает пути, как избежать несчастий в будущем. Эти предостережения касаются главным образом его внутренней политики. Среди повторяющихся житейских советов - воздерживаться от гнева, алчности, гордыни, от опьянения властью, в борьбе со страстями полагаться на разум и т.д. - внимание правителя сосредоточивается на трех основных заповедях: а) оберегать основы религии и не допускать возникновения ересей; б) поддерживать незыблемость сословного деления общества; в) заботиться о достойном преемнике.

Необходимость соблюдения каждой из этих заповедей выводится на основании установившихся правил и общественной практики. Государство и религия - близнецы, не могущие существовать один без другого, ибо религия есть основание государства, а царь - страж религии. Ущерб для государства можно ожидать с двух сторон: извне (нашествие иноземцев) и изнутри (разрушение веры). Но выступление против внешних врагов не принесет успеха, пока не удастся одержать верх над привычками своих подданных. Различие же в религиозных воззрениях появляется тогда, когда "подданным позволяют заниматься не теми делами, которые они знают и в которых разбираются". Различие взглядов рождает между ними вражду и злобу, но, враждуя между собой, они едины в гневе против царя и пытаются его

свергнуть. Для предупреждения у подданных праздных мыслей рекомендуется сохранять установившееся деление на сословия. "Из всех вещей нет для царя наиболее ужасной, чем если голова превратится в хвост, хвост - в голову, а руки, привычные к работе, станут праздными, если благородный станет бедным, а подлый - дерзким". Ради поддержания порядка царь должен принять все необходимые меры, не ограничивая себя в жестокостях по отношению к противникам. Поскольку назначение наследника престола осложняется придворными интригами, которые нередко приводят к переворотам, обязательным считается соблюдение следующих правил: а) сохранение тайны личности преемника до смерти царя⁷; б) ограничение круга вероятных преемников царскими сыновьями, рожденными от дочерей дядей царя; из их числа предпочтение следует отдавать тому, кто лишен телесных недостатков, рассудителен, безупречен в вопросах религии. Наряду с выполнением заветов относительно преемника царь должен хорошо знать свое окружение, привлекать к себе одних и отстранять других, если того потребуют интересы дела.

Второе сочинение, условно обозначенное издателем как "А'ин Ардашира", представляет собой совокупность правил поведения для высшей аристократии и сообщает дополнительные сведения о сословиях и структуре иранского общества. После небольшого введения, где говорится о том, как Ардашир приказал отобрать из книгохранилища в Истахре все, что касается адаба, и из этого составил новую книгу, излагается суть дела. Цель книги в том, чтобы показать людям образец правил, установленных царем для ближайшего окружения, и способствовать тому, чтобы их придерживались и остальные подданные. Царские предписания регламентируют повседневную деятельность знати: распорядок дня, форму одежды, церемонию пи-

ров и развлечений, обращение с женами, воспитание детей и т.д. Все эти установления подчинены главной задаче: сохранить порядок в стране, который, как считает автор сочинения, будет поддерживаться до тех пор, пока не произойдет смешения сословий.

Третье сочинение состоит из высказываний высших должностных лиц на церемонии по случаю весеннего праздника Ноуруза. Первым после шаханшаха выступает дабирбед, налоговый писец. После восхваления государя он говорит о причинах, способствующих росту поступлений или их уменьшению. Обращение к справедливости увеличивает изобилие, и благодаря ей люди заинтересованы в повышении урожая. В трудное для себя время "помощники" (вассалы) надеются на имущество правителя, и это наносит ущерб. Налог умножает богатство страны, богатством содержится войско, войско подавляет врагов, и этим достигается могущество. После дабирбеда поднимается мобедан-мобед. Его речь ограничивается советами шаху пресекать распространение несправедливости, сдерживать гнев, вершить благодеяния. Глава везиров советует шаханшаху воздавать каждому по его заслугам и заботиться об обеспечении армии. Артештарансалар, глава конного войска, подчеркивает заслуги воинов и говорит о необходимости вершить благодеяния в отношении их. Затем царь благодарит вельмож за советы и пожелания, раздает подарки и награды, устраивает пир. В заключение он произносит речь, в которой призывает подданных держаться своего занятия и звания, не враждовать друг с другом.

Четвертое сочинение этой группы включает несколько высказываний, приписываемых шаханшахам Ардаширу, Йаздигарду, Хусрау Ануширвану, Хурмузду 1, мобедан-мобеду Азар Гушнаспу; оно заканчивается письмом Шапура Зу-л-Актафа

римскому императору, которое расходится с текстом основной части.

Из "Книги деяний Ануширвана", сохранившейся в арабоязычной версии Ибн Мискавайха, М. Гриньяски перевел двенадцать эпизодов, в которых повествование ведется от первого лица, шаханшаха. Государь рассказывает в них о различных решениях, принятых им в том или ином случае: при попытке покушения на его особу, в разговоре с еретиком, при упорядочении системы налогообложения, при решении внешнеполитических вопросов и т.д. Если в сочинениях Табари, Бал'ами, Динавари и ряда других мусульманских историков о податной реформе сообщаются только самые общие сведения, касающиеся ее результатов, то здесь делается упор на раскрытие характера ее проведения: назначение ответственных лиц, осуществление контроля, порядок обжалования. Несомненную ценность для историка представляют и сведения о привлечении шаханшахом хазарских дружин на службу по охране границ и об управлении ими.

В вопросе датировки "Завещания Ардашира", его первоначальной редакции, первыми годами правления Йаздигарда Ц (после 632 г. н.э.) мнение М. Гриньяски не вызывает возражения. В противопоставлении двух царей — одного, "справедливого, счастливого, победоносного", знавшего слабые стороны хозяйства, не имевшего преемников, подобных себе, и другого, "недолговечного, недалекого"⁸, приведшего страну на край гибели, — действительно можно видеть прямой намек на Хусрау I Ануширвана (531–578) и Шируйе (629). М. Гриньяски обнаруживает тесную связь между "Завещанием..." и "Письмом Тансара" и отсюда делает вывод о том, что последнее тоже было написано после 632 г. н.э. Вероятно, немногочисленные тематические параллели, на которые обратил внимание издатель, объ-

ясняются скорее общими проблемами, чем одновременностью написания сочинений. Вряд ли в этих двух произведениях следует видеть отголоски полемики между сторонниками высшего зороастрийского духовенства и светской придворной знати: позиции жречества при преемниках Хусрау I были значительно ослаблены, чтобы оно могло претендовать на первую роль в управлении государством.

Прямых указаний на время написания "А'ин Ардашира" нет, но, соглашаясь с М. Гриньяски, его можно датировать первыми годами царствования Йаздигарда III.

Третье сочинение, "Книгу короны...", издатель не датирует. По-видимому, оно написано после правления Хусрау Ануширвана.

Четвертое сочинение этой группы, по справедливому замечанию М. Гриньяски, вряд ли восходит к сасанидскому оригиналу.

"Книгу деяний Ануширвана" можно датировать началом VI в. (как у Гриньяски) либо концом VI в.

Перечисленные памятники имеют важное значение для социальной и политической истории Ирана середины VI в. и кануна арабских завоеваний. Открытие М. Гриньяски показывает, что число пехлевийских сочинений, сохранившихся в переводах и переработках, значительно больше, чем предполагают исследователи, и работу по их отысканию, изданию и комментированию следовало бы продолжить. Широко используя в комментарии арабоязычный материал и литературу на европейских языках, издатель не привлек для сравнения ни одного оригинального пехлевийского сочинения, что можно было бы поставить ему в упрек, если бы он был иранистом.

Примечания

1 عهد اردشير بن بابك الى من يخلفه بعقبه من ملوك فارس

2 «Kitab al-Fihrist», mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, Bd I, Leipzig, 1871, стр. 816; كتاب عهد اردشير بابكان الى بنه سابور

3 Там же: كتاب ما أمر اردشير باستخراجه من خزائن الكتب التي وضعها الحكماء في التدبير

4 Там же, стр. 118: كتاب التاج في سيرة اُردشير وان

5 فصول في المعروف من حكماء الفرس

6 «The Tajarib al-Umam or History of Ibn-Miskawayh...» reproduced in facsimile from the Ms. at Constantinople in the Aya Sufiya library with a preface and summary by Leone Caetani, Leyden-London, 1909 (GMS, VII, 1), стр. 187-207.

7 Процедура назначения наследника, описанная в "Завещании..." (текст - стр. 57, перевод - стр. 76), очень похожа на ту, которая изображена в "Письме Тансара", но в последнем решающая роль отводится мобедан-мобеду.

8 القصير عمرة القرية مدته